

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ПРОИГРЫВАЮТ

Белые: кр. кн, пешка к2.

Красные: в. 13, в. е2, с. 1

ЭМИГРАНТ

В „месте службы“ Сольский, Павел
Не читал на стенках „правил“.
На плакаты, на воззвания
Сольский тоже — ноль вниманья.
В стороне от жизни клубной
Он сидел в пивной на Грубной,
И доволен трубным фоном
Упивался граммофоном
В производственном собраньи
Был пассивен по бараньи,
На утек готова ножки,
Если не было „киношки“
От общественной работы
Сольский так-же... ножки в боты:
— Задарма работать, баста...
Обойдутся, чай, без нас-то.
Век крутятся в семейной сфере,
Жил он... не в СССР'е...
Так влачила свой жребий трудный,
Где-то возле Чистопрудной.

М. Андр.

ОТЧАЯННАЯ

Рис. Ю. Ганфа

— Ух, страшно! Вдруг обвалится!
— Ну и трусишка же! Я две недели
во вновь отстроенном кооперативном
доме жила, и то не боялась.

ДЕРЗОСТЬ

Счетовод Тычинкин сообразно своему разряду был человек скромный и невыдающийся. На службе замечали его только тогда, когда он менял свою заплесневелую рубашку на свежую. Но так как это изменение прочно установившейся тычинкинской наружности происходило чрезвычайно редко, то сослуживцы не особенно шипели и подкапывались. Все полагали, что Тычинкин привлечь на себя внимание начальства и выдвинуться не может.

Однако Тычинкин не пожелал отставать от всего человечества и двинулся на глаза начальству самым предрезвостным манером. Он поселился на даче в Песчаном Бору.

Ошеломляющее известие о поселении Тычинкина в Песчаном Бору взволновало не только всех остальных конторщиков, но и помощников бухгалтера.

— Как же это ты там устроился? Там ведь одни главки живут?—спрашивали потрясенные друзья-приятели.

— Устроился!—загадочно улыбался Тычинкин.—Отчего же не устроиться, если у кого имеется рука...

От такого деликатного намека конторщики впадали в уныние и безнадежность, а помощники бухгалтеров ощущали потребность проявить подхалимаж, каковой у них уже был развит в должной степени и каждую минуту просился наружу.

Но Тычинкину всего этого было мало. Он мечтал о том сладостном мгновении, когда о его почетном местопребывании узнает сам председатель, товарищ Юлий Абрамович. Только тогда по мнению Тычинкина всемогущая рука изымет его из общей балансовой суммы счетоводов и поставит на отдельное видное место в заграфный счет.

И вот однажды желанный момент настал. Возвращаясь на дачу, Тычинкин столкнулся в автобусе с заместителем товарища Юлия Абрамовича—с товарищем Грабастовым.

Мелкий чинуша старого времени при встрече с таким крупным начальством, разумеется, запотел бы, смяк и окончательно утратил бы человеческую форму. Но Тычинкин, если и запотел, то только от радости. Он приветствовал начальника без всякой растерянности и суетливости, сдерживая лишь порыв беззаветной преданности.

— Тоже едите?—спросил удивленно тов. Грабастов.

— На лоно-с природы. Как товарищ Семашко сказали: «Куда не заглядывает солнце, туда заглядывает врач».

— И-да... Погулять, значит, на свежем воздухе хотите. Это хорошо...

— Не только погулять. Я живу на даче...

— Живете? В Песчаном Бору?

— Совершенно верно—живу. Удалось устроиться. Уж очень природа там замечательная: вода, солнце, и к тому же—сосна! Воздух—счастье трудящихся!

— Здорово! Да вы, я вижу, личность незаурядная. Вы знаете, что в Песчаном Бору даже тов. Хватаевич не сумел получить комнаты?

— Достоинно удивления! Такой видный работник. У них, конечно, нет времени на организационные хлопоты...

— Но вы прямо молодец. Признаюсь—не ожидал!

Если бы в этот момент отборочная комиссия поинтересовалась бы состоянием тычинкинского сердца, то она обнаружила бы беспредельное его расширение.

Дело можно было считать в шляпе. С самим товарищем Юлием Абрамовичем Тычинкин встретиться, конечно, и не мечтал. Товарищ Юлий Абрамович вели образ жизни заседательский и приезжали на дачу очень поздно. Но Тычинкин был уверен, что товарищ Грабастов теперь непременно доложит о нем председателю. Вот почему наш счастливец подпрыгивал на мягких подушках автобуса значительно сильнее того, чем этого требовали упругие автобусные рессоры.

И, действительно, на другой день товарищ Грабастов доложил.

— А вы знаете, Юлий Абрамович, у нас, в Песчаном Бору, стали жить даже наши счетоводы.

— Да что вы! Не может быть!

— Уверю вас! Вчера случайно поехал на автобусе и встретился с одним нашим счетоводом, с неким Тычинкиным. Едет в Бор и, представьте, там живет.

— Чорт знает что! То-то, я замечаю, в этом году у нас, в Песчаном Бору, как-будто и порядка стало меньше. На пляже—грязный песок и коробки из-под килек...

— Да! Загаживается место, загаживается...

— Еще бы! Лезут все, кому не лень. Беспардонщина!

После своего сокращения Тычинкин приходил объясняться к товарищу Грабастову и уверял его, что живет он, Тычинкин, не в самом Песчаном Бору, а только в сельце Песчаном, которое лишь примыкает одним боком к Бору, и поэтому считать их за одно и то же нельзя, но все эти объяснения только раздражали товарища Грабастова.

— Да вы, батенька, с ума сошли, что ли?—возмущался товарищ Грабастов.—Вас сократили в целях государственного интереса, в целях рационализации нашего трестовского аппарата, а у вас низменные обывательские соображения! Прямо дико слушать. Стыдитесь!

Тычинкин стыдился, но подняться до вопросов государственного значения не мог и свое сокращение до сих пор объясняет исключительно тем, что вздумал жить на даче не там, где ему жить надлежало.

Б. Самсонов.

ЦВЕТОЧНИК

(Московские типы)

Повиснул чад над горизонтом
И серый день от пыли сед.
В леса залезши, как в корсет,
Москва охвачена ремонтом.

В Охотном—душно от народу...
Дичь, фрукты, сельди, потроха...
Автомобил Эм-Ка-Ха
Обильно льют на платье воду.

И беспатентные торговцы
Врага завидевши с угла,
От миллицейского жезла
Бегут испуганно, как овцы.

Вращая лысину, как глобус,
Толстяки из треста чуть дыша,
Спеша, сталкиваясь торговца
Подать старается в автобус.

Извозчик туго хлопчет клячу...
Книст людской водоворот—
Течет, бежит, спешит народ
В кино, на службу и на дачу.

Москва бурлит. Но кто там в рыжем
До боли тесном пиджаке,
Как бык бетонный на реке,
Стоит людской волей недвижим?

Штаны подобраны высоко,
В руке мохнатой васильки,
И васильками синяки
Вокруг единственного oka.

— Купите, граждане, букетики!
Роскошнейший привет полям!
Из собственных апельсинов
Сам с болью вырвал каждый цветик!

— Гражданочка! Цветы из Крыма!
Нюхнешь—и кругом голова!..
Проходит час, проходит два—
Спешит народ все мимо, мимо...

По голой груди пот струится,
Огонь в глазу давно погас...
И вдруг звучит печальный бас:
— Товарищ! Дай опохмелиться!

Векум.

ТАРАРАМ

Человек я сам маленький и должность у меня не высокая. Между же прочим, с детства я приучен любить все высокое и героическое. Других талантов, кроме любви этой самой, за мной не числится, через по причине чего неоднократно и ставился я в список увольняемых по сокращению, однако же сходило все благополучно, ибо спасала любовь к высокому: видя такую любовь, кто из начальников возьмет на себя сократить преданного служащего...

Служба моя на маленькой должности окружала меня людьми по отношению ко мне высокопоставленными, к коим должен отнести всех кроме курьерши Степаниды. Я любовался ими, по мере сил и возможности подражал в личных действиях, но вот героев-то, настоящих, подлинных героев, о которых я читал как в детстве, так и в зрелом возрасте, видеть живых и настоящих, мне не приходилось. Как-то встретил одного на улице с орденом, но это было мелькающее видение. Принял было за героя своего прежнего начальника—помощника регистратора Сергея Кондратьевича, возразившего на какое-то указание товарища делопроизводителя. Но Сергей Кондратьевич за сие был сокращен, почему из героев оказался просто дураком.

И не было передо мною героических образцов, о чем я сожалел и скучал невозможно до чего. Но помог случай.

В день получения ассигновал я на посещение пивной некоторую сумму денег, с каковыми и направился в названное место. Жарко, конечно, и многим хочется утолить жажду. Поэтому вижу—интеллигентное общество, в центре внимания коего высокий, статный человек говорит громким голосом против бюрократизма:

— Нет, говорит, его и в помине. Если и есть, то только у посетителей, а не у служащих. Вот, например, прихожу я в учреждение. Мне, конечно, как и всем другим, говорят зайдите, мол, завтра или там в понедельник. А я?! Я сейчас поднимаю тарарам — и все готово в ту же минуту!!!

Я аж зажмурился при таких словах. Зажмурился и сразу же ясно представил себе, как этот самый высокий, статный мужчина поднимает тарарам против самого Иннокентия Васильевича, нашего секретаря, как наш секретарь бледнеет под натиском истинного героя, как в трепетное движение приходит все учреждение, как готовится справка и как я, младший помощник регистратора, своей собственной рукой протягиваю герою требуемое...

Дух у меня захватило от такой картины. Протиснулся я ближе к интеллигентному обществу и с изумлением заметил, что на героя нет никаких знаков отличия.

Из скромности, думаю, не носит.

С тех пор получил я к той пивной приверженность, и часто слышал зычный геройский голос незнакомого мне статного мужчины, возглашавшего:

— Ну, я, конечно, поднял тарарам и в ту же минуту...

Зажмуриваюсь, слушаю и передо мной картины, картины...

... Учреждение наше так расположено, что даже неловко: всюду солнце. Не подобает для учреждения свет в неограниченном количестве, — не учрежденское это дело. Но жилищный кризис и прочие соображения заставили наше учреждение разместиться в бывшей солнечной квартире. Почему очень ярко и ослепительная жара.

Иннокентий Васильевич помещаются в глубине комнаты, я—в самом ее начале. Карп Моисеевич, делопроизводитель наш, Яков Петрович, ихний помощник, и Федор Андреевич, регистратор, направились в столовую при нашем же учреждении; Евтихий Антонович, их старший помощник, были в отпуску. Иннокентий Васильевич изволили завтракать за своим столом, я же сидел и мечтал о появлении пивного незнакомца, о тарараме и о соприкосновении с героем. В то же время послышались посторонние шаги и чей-то кашляющий голос.

Конечно, граждане имеют право посещать учреждения, за что и носят звание посетителей, но вламываться в такое время, когда Иннокентий Васильевич завтракают,—это уже невежество, почему не отрываясь от мечтаний и не открывая глаз, я сурово пригласил:

— Гражданин, не нарушайте тишину, — это вам не пивная!

Гражданин примолк, но через полчаса снова подал голос:

— Извините, товарищ, мне бы...

Зная, что Иннокентий Васильевич терпеть не любят когда их за завтраком тревожат, почему я за них ответил:

— Завтра зайдите, гражданин, или в четверг...

На этом открыл я глаза и увидел своего героя... Момент и... Почему он мне казался в пивной таким статным и внушительным?! Здесь — ничего подобного. Сгорбил спину, когда уходил, — вот и все, весь тарарам!!!

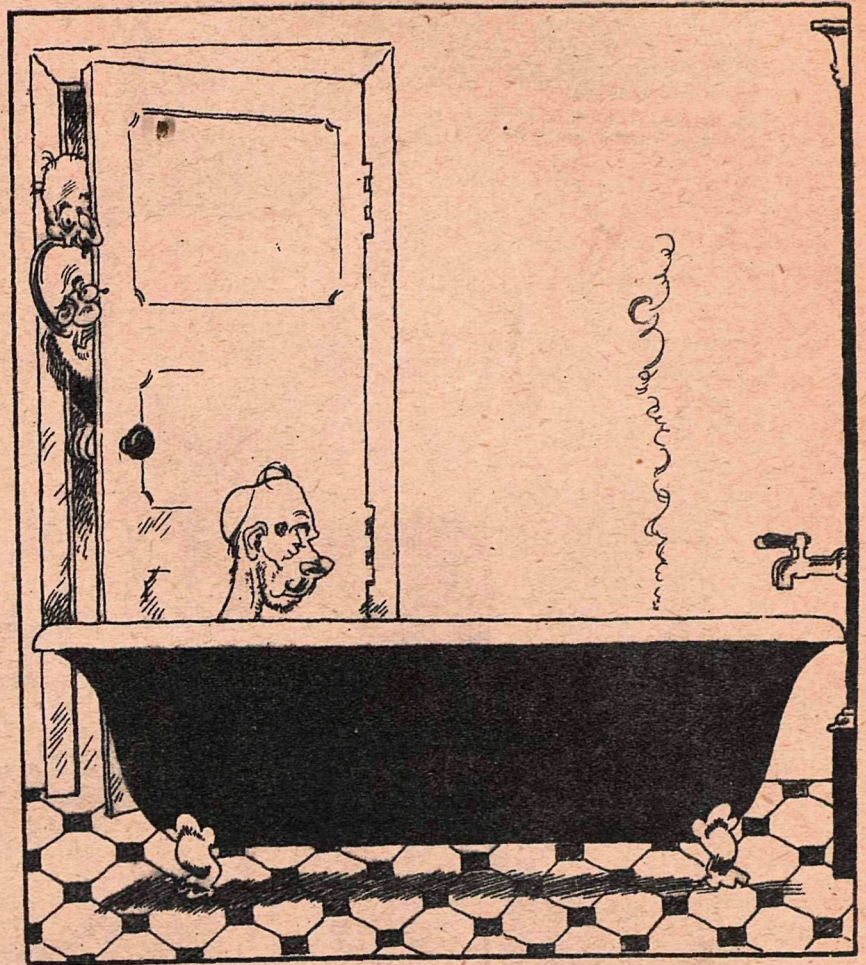
Вы, конечно, решили, что я его разлюбил после этого... Ничего подобного... Я продолжал ходить в пивную, продолжал преклоняться перед ним, когда он рассказывал о поднятых им тарараммах. Ибо я понимал, что нельзя же вечно быть героем.

В пивной—он герой, но перед очами государственных служащих... Попробуйте сами!!!

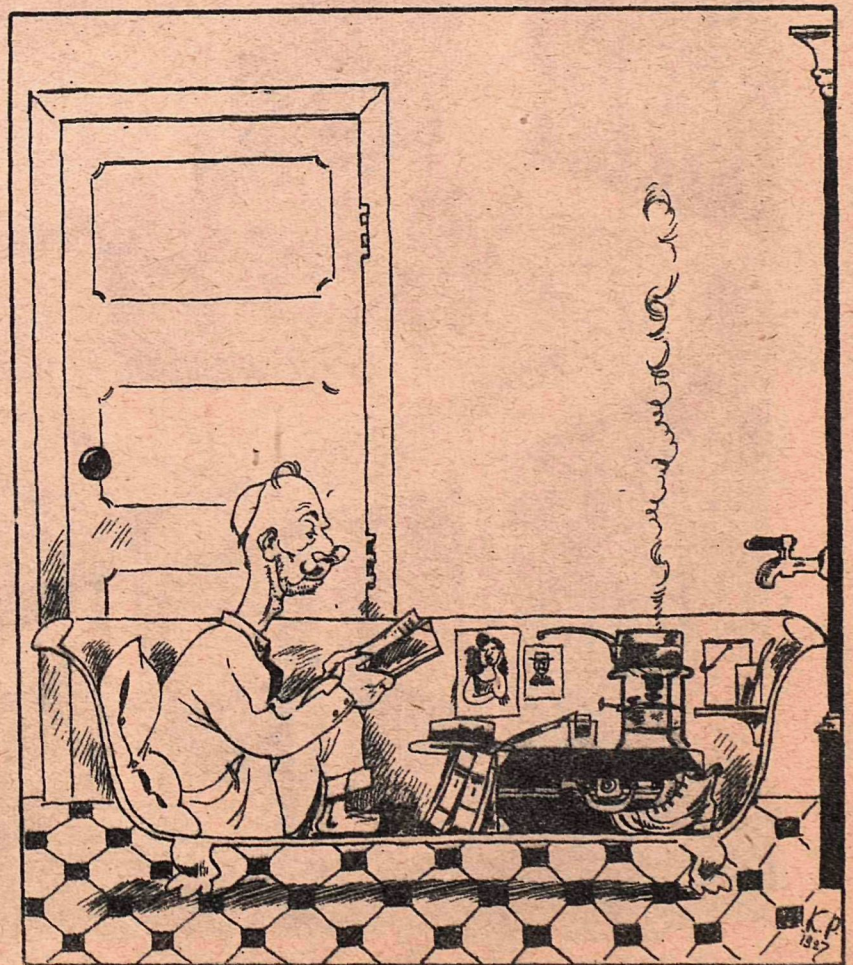
Вл. Павлов.

ВАННЫЙ ЖИТЕЛЬ

Рис. К. Ротова

— Когда же вы из ванны вылезете?

— Когда жилкооп дом построит и мне другую квартиру даст!

Рис. Ю. Ганфа

— Потерпи еще денек, Машенька,—мой Колька самый нужный гвоздь истребил, портретину на нем повесил.

(Из цикла „Провинция“)

Из столовой уволился я из-за самых пары пустяков — из-за несчастной насекомой мухи. Наше дело, сами знаете, какое: мечешься с утра до вечера, как угорелый, одному—подай, от другого—прими. Кому борщ флотский, кому — малороссийский, кому — котлеты — вермишель, а кому — маршал. Все держи в голове, не перепутай. И головой, и руками, и ногами работай. А чтобы на чай — не мочи и думать. И мы не берем и, главное, не дают, дьяволы... Однако хотя и трудно, а как я сизмалства на этом деле, то и справлялся с работой не хуже которых прочих. Главное — деликатное обращение с гостем я до тонкости понимать могу. Только раз приходит к нам какая-то женщина пролетарского, в общем, вида. Подаю ей со всей деликатностью флотский борщ, а она вдруг как захаает: — Ах, ах, официант, что же это такое?

Я — к ней.

— В чем дело, гражданка?

— Смотрите, что это за безобразие, — тычет она в тарелку.

— Муха, — говорю.

— А может ли муха в борще местонахождение иметь? — спрашивает она с сердцем.

— Нет, — говорю, — не может. Муха по воздуху летать должна.

— Так как же, кричит, вы смеете мне эту гадость подавать?

Вижу — расстраивается. Расстраивается и кругом панику пускает. Которые гости обратили внимание и в своих тарелках мух ищут.

— Что же, говорю, гражданка, дело легнее. На кухне у нас мухоморных листов гибель, а насекомая, известно, без понятия — лезет и лезет. Опять же, говорю, муха — не казак, воротится назад. Позвольте, мы ее сейчас в момент уберем.

Поддел я пальцем со всей деликатностью эту несчастную насекомую и увольтнул ее из тарелки.

— Что вы делаете? — кричит гражданка.

— Не извольте беспокоиться, мадам. Пока мы с вами дискуссией разводим, борщ совсем остыл. Да и привычен я ко всему.

А она, знай, свое клохчет, как какая-нибудь наседка: — Ах, ах! Не могу я есть этого борща!

— А это, говорю, ваша воля. Могу подать котлеты.

— И котлеты с мухами?

— Не извольте беспокоиться, говорю, в котлетах мух не бывает. Смешно, говорю, даже слышать, чтобы в котлетах и вдруг — мухи. Они больше на жидкое прут.

Подаю котлеты. А она опять: — Ах, ах! официант, опять муха!

И вилок в тарелку — тырк-тырк!

Подхожу и смотрю — действительно, опять какая-то насекомая муха на тарелке. А гражданка расстраивается в конец, и пуще прежнего кругом панику сеет. Которые гости даже кричат: — Что это означает? На наши же деньги мухами нас кормить!

Вижу — дело наплевать. Надо, как говорится, спасти создавшееся положение.

— Позвольте, говорю, мадам, какая же это муха, коли это форменный узюм!

А она даже из себя выходит.

— Какой тут, кричит, в котлетах может быть узюм? Чай, это не компот!

— Повар, говорю, все может положить для скуса. Его рука — владыка. Тоже и котлеты, говорю, разные бывают. Которые — маршал, а которые — вермишель.

А она, знай, свое:

— Вы мне баки не заколачивайте! Что я насекомой от узюма отличить не могу, что ли?

Ну, думаю, надо ловчиться. Геройство теперь надо оказать. Собрался с духом, скovyрнул пальцем муху с котлеты — и в рот.

— Вот, говорю, вам доказательство этого факта. Муху я ни в жисть бы не мог сожрать, а узюм довольно даже свободно. Чай, вы не какая-нибудь твердолобая антанта, можете поверить служащему человеку!

А она ощерилась, как щука какая-нибудь, и только руками на меня машет. А гости тоже руками машут и кричат: — Безобразие! Разве мыслимо в общественной столовой?!

Вижу — бежит наш заведующий и тоже, бредяга, на меня руками машет. Хотел я ему в детальности все объяснить, да от проклятой насекомой сразу защекотало в кишках. Понятно, я со всей деликатностью закрыл рот салфеткой и выбежал в кухню. Да за эту деликатность и геройство мое мне же и влетело. А из-за чего спрашивается? Из-за несчастной насекомой мухи!

Н. А. Карпов.

Рис. И. Каликина

Частник-сапожник

Спел свою песенку —

Вылетел с дымом в трубу...

Местный художник,

Влезши на лесенку,

Кистью торопит судьбу.

Черный от сажи

В творческом раже

Вывеску новую мажет

Горд и ретив:

„Ко-о-пе-ра-тив“...

И полон мечтою горячей

Имя свое прославить,

Сбоку решает поставить

Профиль слонячий.

Пусть видят, что он не бездарность,

Пусть чувствуют благодарности!

Быть может, в столицу

Учиться

Пошлет его ВИК

За профиль прекрасный...

И буквы танцуют: „К-р-а-с-н-ый

Дро-же-вик“.

Баба пред новой вывеской

Стоит, как свеча перед Иверской,

И прыгают бабьи брови,

Слонячий увидев профиль.

Вопросом глядит бабий лик:

— Ах, господи, — твоя воля!

Кр-а-с-н-ый дро-же-вик“...

Знать, гриб какой новый, что ли?

Вас. Лебедев-Кумач.

СЛУЧАЙ С ПАЛИСАДОВЫМ

Проход Андреевич Палисадов сразу облился холодным потом, когда его спутница, хорошенькая, подкрашенная блондинка, остановилась у окна гастрономического магазина, на углу Бакунинской улицы.

— Вы хотели чего-то купить, Виталий Валентинович? Вот как-раз магазин...

Проход Андреевич гмыкнул носом и на этот раз ему даже не понравилось прекрасное звучное имя, которое он сам себе выдумал.

— Нет. Тут все какое-то... не такое! Тут мне не нравится. Пойдемте дальше, там еще будут магазины.

— А если я не хочу!

И подведенный блестящий глаз кольнул Палисадова нежной истомой.

— Лелечка, что за глупости? Тут же два шага! Пойдемте!

— А если я не хочу? Я устала! Этот ужасный кинематограф так утомляет!

Палисадов почувствовал в голосе спутницы нотку каприза и испугался. Сделал лицо завзятого остряка и деланно развеселился:

— Женщина хочет—бог хочет! Но на этот раз я хочу стать безбожником. Пойдемте Лелечка! Не дуйте губки. Там есть магазин гораздо лучше.

— Где это там?

— Вот здесь за углом.

— И все-то вы врете! Там за углом нечего! Гастрономка еще есть только в самом конце улицы. И я туда не пойду! Поняли?

— Лелечка...

Но Лелечка выдернула нервно руку, и Палисадов почувствовал, что конфликт обострился. Мелькнула в памяти теплая Лелина комната, софа с бесконечным числом подушек, Лелин придушенный смех...

И вдруг все это может пропасть! Жди тогда вновь свободного вечера, жди до новой полочки...

— Палисадов кинулся к Лелечке, взял ее за руки:

— Лелечка!

— Бросьте! На нас уже смотрят! Будете вы покупать или нет? Ну?

— Лелечка...

— Что еще?

И глаза, за минуту перед тем такие нежные, сверкнули такой тупой, неприкрашенной злобой, что Палисадов не верил себе: Лелечка это или нет?

— Лелечка, милая... Котик мой... Я прошу...

— Денег у вас нет? Хотите купить подешевле? Так бы сразу и говорили! Жадюга!

— Лелечка! Успокойтесь! Как вам не стыдно...

Для Палисадова упрек в жадности был больше всего. Счетовод Палисадов, Проход Андреевич, целый месяц тнул спину над «меморьялами» и «ресконтро», чтобы вывер, богатей и баловень жизни Виталий Валентинович Палисадов мог небрежно сорить деньгами.

— Лелечка! Мне стыдно за вас.

— Ах, так! Тогда будьте любезны, оставьте меня. И если нужно, я могу вам дать денег на трамвай! Вот! Пожалуйста!

Палисадов не выдержал тона. Дернул лицом и, сорвавши пуговицу у пальто, нервно полез за бумажником (праздничным с монограммой «В. В. П.»—отсюда и пошло «Виталий Валентинович»).

— Это, конечно, смешно. Но чтобы... вам доказать.. Вот!!!

И в руках Палисадова захрустели казначейские знаки.

На Лелечку вид денег подействовал успокоительно. Оправив прическу, она полезла в сумочку за платком и пуховкой.

— Так почему же вы не хотите исполнить мое желание? Злой!

Палисадов почувствовал почву под ногами, взял Лелечку под руку и осторожно пытался оттянуть ее от витрины:

— Лелечка! Это-ж каприз...

— Что-ж из этого? Ну, каприз! Да! И вы должны его выполнить!.. Если не выполните,— я уйду!

— Лелечка...

— Нечего, нечего. Я так хочу! У нас на службе один там... Прокофьев из-за меня травили. Вот! А вы не хотите. Ну?

И Лелечка вдруг решительно потянула Палисадова в магазин. От неожиданности он не смог устоять. И только в тамбуре вдруг, побелевший, как мел, рванулся и бросился быстро на улицу.

От изумления Лелечка окаменела, покраснела. Потом решила придать всему характер милой шутки и, выбежав вслед за Палисадовым, крикнула капризно-кокетливо:

— Сумасшедший! Куда вы? Вернитесь!

Но Палисадова не было—он убежал.

И поглядевши в обе стороны—Лелечка гордо надула губы:

— Ну, и... с-скотина!

Постояла минутку—и пошла ждать трамвая...

Десять минут спустя Палисадов один вошел в магазин, на углу Бакунинской улицы:

— Будьте добры... Нет, я не покупать... Могу я видеть товарища Палисадова? Ах, вот она! Здравствуй, Танечка! Видишь, какой я заботливый муж... хе-хе... Пришел за тобой. Ты скоро кончаешь?

Бледная, веснушчатая Танечка расцвела:

— Скоро. Сядь вот тут, подожди. Да ты что сегодня какой парадный?

— А я в парикмахерской был. Что? Разве тебе не нравится?

— Нет... наоборот!

И Танечка посмотрела на Палисадова ревниво-гордым взглядом.

А Палисадов сидел и думал:

— Чорт его знает... Может оно и к лучшему, что сорвалось... Судьба! Гляди, нарвался бы на аргументы или еще что похуже... А теперь по меньшей мере десятка в кармане уцелеет. Таньке платьице можно купить...

И после закрытия магазина, идучи домой под руку с женой, он говорил убежденно и ласково:

— Отчего бы тебе немножечко не подтянуться—право? Платьице бы какое-нибудь этакое сшила... с финтифлюшками! Да и губы. Отчего их немного не подкрасить? Предрасудок!

Вас. Лебедев-Кумач.

НАПРАСНЫЕ НАДЕЖДЫ

Рис. и тема Е. Коган

— Зачем прибываешь? Все равно — недействительно: нешто его когда кончишь — дело-то?!

„ЛОРД ЧЕМБЕРЛЕН“

Лорд Чемберлен... Какая статья...

Разумный, смелый взгляд...

Убийц из Польши нанимать

Не станет он, как гад.

Дружить с бандитами?! Он горд!..

Он им гроза из гроз!..

Один из лордов честный лорд:

Охотничий мой пес.

М. А.

КОНКУРС „КРОКОДИЛА“

„ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ“

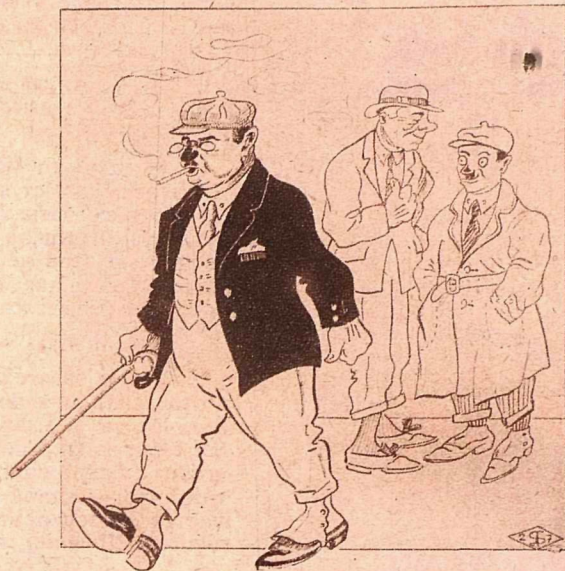
Рис. и тема А. Вепоке

— Какая безвкусица! Светлый костюм и черная шляпа!

ВЫНОСЛИВЫЙ

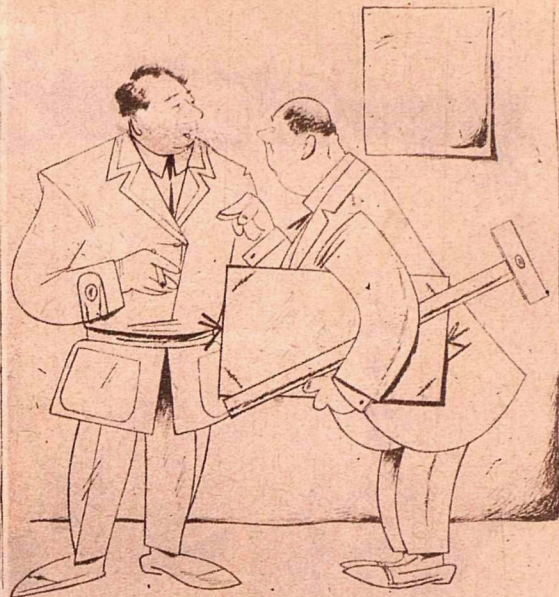
Рис. и тема А. Ген

— Вчера его описал фининспектор...
— Бедняга! Как же он это перенес?
— Да нанял дворника и перенес накануне все ценное к соседям...

РЕМОНТНОЕ

Рис. и тема Я. Завьялова

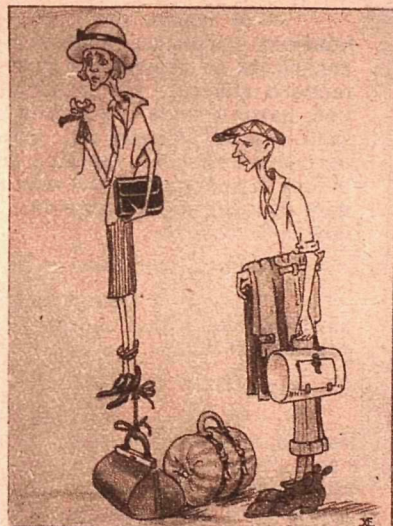
— В вашей канцелярии потолок надо отремонтировать, того и гляди обвалится!
— Ясно! Девятый год им при отчетности пользуемся.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В КРЫМУ

Рис. Х. Е.

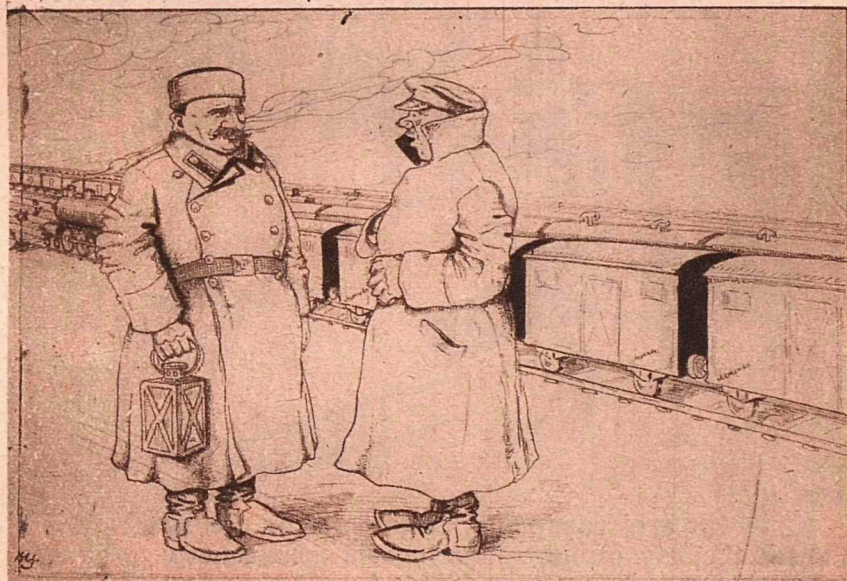
НА КУРОРТ.

С КУРОРТА.

ОЖИВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТА

Рис. и тема Цетнаривского

— Как у вас часто товарные поезда ходят! Смотреть приятно.
— А это мы в НКПС отчетность нашей дороги возим.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

«Воронежская Коммуна» по неизвестным причинам печатает такие сообщения:

... В реке купается 750 взрослых. С детьми число купающихся переходит за 4000 человек.

... До 5000 мужчин бреются в городских парикмахерских.

Надеемся, что скоро, в результате замечательных изысканий «Воронежской Коммуны», мы узнаем, сколько мужчин и женщин в Воронеже пьют воду, спят ночью и едят хлеб. Интересно также узнать, чем именно занят редактор этой газеты, если таковой у ней вообще имеется.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

В № 10 журнала «Резец», А. Прокофьев режет по дубу такие стихи:

А за кормю оводь.
И не боюсь утрат
Я все же беру за повод
И воду и ветра.
И говоря спокойно:
— Смирись иль удави
Того, кто был обоймой
Непрошенной любви!

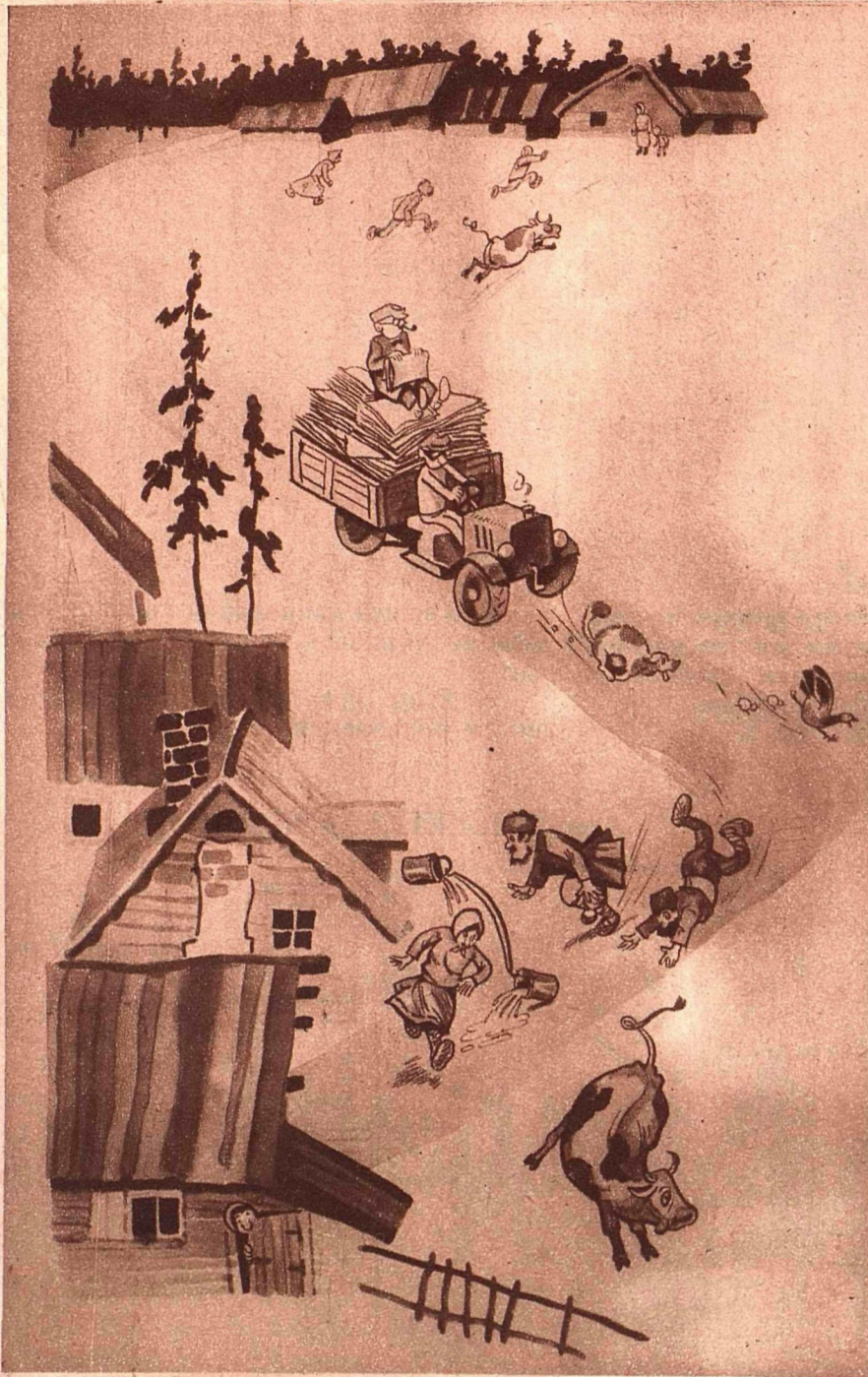
У нас всегда так! Человек отлично умеет брать за повод воду и ветер, а насчет того, чтобы вложить хотя бы кусочек здравого смысла в свое стихотворение—как! А все почему? Мало в детстве били обоймой воспитания!

Ека.

НАХОДЧИВЫЙ

В тайге обнаружена совершенно оторванная от всего мира деревня, жители которой ничего не знали о советской власти.

Рис. М. Храповского

— Ничего, товарищи! Заполните за все десять лет анкеты и сразу станете советскими гражданами.

ИЗ-ЗА КАРТ

(Жуткий рассказ)

Погода взяла моду портиться по вечерам, и часов с семи в санатории начиналась тягучая скука. Я проскучал четыре вечера подряд, а на пятый двое товарищей уговорили меня засесть за преферанс.

Карта складывалась неважная, игра шла вяло. Меня два раза посадили без одной на простых, а затем оставили без двух на висту.

— Ну ее к черту, эту игру дурацкую! — разозлился я. — Освободите, товарищи: и не умею играть, и не люблю... Пускай, вон, Марья Даниловна за меня сядет. Вы играете, Марья Даниловна?

Марья Даниловна, пожилая женщина с приятным и добрым лицом, вдруг нахмурилась. Неодобрительно посмотрев на разбросанные карты, она покачала головой и сказала:

— В жизнь свою не играл и другим не советую. Проклятые они, эти карты, окаянные они! Сколько народу из-за них, может, сгубило, сколько счастья расстроилось!..

— Да что вы, Марья Даниловна?.. — удивился и улыбнулся один из моих партнеров. — Какая ж от них может быть гибель, когда мы не на интерес играем?.. Да если б и на денежный интерес, так преферанс — игра не азартная, много не проиграешь...

Но Марья Даниловна строго заявила:

— Молоды, жизни не знаете, оттого и легкомыслие у вас. От преферанса-то и погибают люди. Верно вам говорю. Бросьте, говорю! Как мать сыновьям говорю!

И, погрозив пальцем, степенно проследовала в дальний, полутемный угол скучающей гостиной.

Я пошел за Марьей Даниловной и присел рядом с нею:

— Так-то, Марья Даниловна... Вы правы, не стоит в карты играть. А где ж ваша дочка, Марья Даниловна? Что-то не видно ее киниче в гостиной...

Марья Даниловна сказала:

— Оттого и не видно, что картеж тут у вас. Вышла было, да как увидела преферанс ваш треклятый, так и назад. Не может она на пакость эту глядеть! Ведь из-за них, из-за карт проклятых, трагедия у ней вышла, вся жизнь ее молодая на смарку пошла... Эх, не напоминали б вы лучше!..

— Но откуда ж мне внять?.. — виновато пробормотал я. — Мне и в голову... в мыслях, конечно, не было... А она что же: сама играла или...

— Дочь-то моя единоутробная играла?! — выкрикнулась Марья Даниловна. — Нет, голубчик, не так она у меня воспитана, чтоб копеечкой зря рисковать. Люди мы необеспеченные, а карты—дело неверное: бывает выигрыш, а бывает ведь, что и проигрывают! Нет, голубчик, подлостью этой не она занималась, а другие несчастной ее сделали... Было же дело так: служила моя Любочка в отделении синдиката... как, бишь, он назывался-то?..

— Не знаю, — сказал я.

— Не знаете?.. И я запомнила... Ну, да все равно. Служила в отделении личной секретаршей у заведующего. Двести двадцать пять получал он. А ухаживал за нею, кроме того, деловод тамошний один: как себе, замухрышка, нуль внимания, — пятьдесят восемь в месяц и штаны с бахромой. Любочка же, конечно, к нему совсем наоборот, потому что — какой же смысл?.. Но в один день прекрасный возвращается Любочка моя со службы и говорит мне: «А деловод-то наш, говорит, Шишкин, взятки берет!».

— Деловод? Вот прохвост! — вставил я.

— А вы откуда же догадались? — удивилась Марья Даниловна. — Верное ваше слово: прохвостом, подлец, оказался и прощальгой, по тогда-то не подумалось мне... Да. «Шишкин, говорит, взятки берет!». Я, конечно, не поверила сразу и спрашиваю, откуда это известно; не врут ли, мол, люди? Но Любочка мне на это: «Люди, говорит, не врут и ничего даже не говорят, а я нечаянно подслушала, как он сам про это рассказывал. С каким-то знакомым посетителем разговаривал вполголоса, а я прошла нарочно сзади него и подслушала». Да...

Марья Даниловна грустно вздохнула, достала платок и высморкалась. Я спросил:

— Ну, а дальше что ж?

— А дальше все, как по-писаному, — сказала Марья Даниловна. — Конечно, уверилась я во всем и говорю дочке: «Хоть ты, говорю, теперь уж не девушка, а личный секретарь, но послушайся все-таки матерного совета... На жалованье, говорю, хотя бы и на ответственное, даже концов с концами не сведешь, а на синдикатские взятки — дело другое! Притом же, хоть Шишкин взятки берет, а наружность у него пролетарская, брюки с бахромой: значит, деньгой не разбрасывается и подозрений на себя не наводит. По всему видно, положительный человек и порядочный... Одним словом, поступай, как знаешь, но мой тебе совет»...

Марья Даниловна поднесла платок к глазам:

... — Мой совет, говорю, плюнь ты на всяких завоэ и хватайся за Шишкина. Когда счастье, говорю, само в руки плывет, бех от него отказываться...

— Ну, и что же?

— Что ж... — сказала, опустив низко голову, Марья Даниловна. — Вышло, конечно, по моему слову: через неделю Любочка с Шишкиным в загс сходила. А заведующий сейчас же, конечно, представил ее к сокращению: у ней, дескать, при наличии безработных, муж служит, и, кроме того, родственники в одном учреждении нежелательны. Ну, тут я с Любочкой вместе на взятку и надела: «Выкладывай денежки, так, мол, и так, и обо всем мы известны». А он...

— А он?..

— Прохвостом, подлец, оказался и прощальгой... — тихо, с горькою укоризной произнесла Марья Даниловна. — Он, как вывернется на нас с дочечкою, как ощерится: «Я, кричит, честный человек, гражданин трудовой советской власти, и таких слов про меня никому не позволю!..». Тут Любочка подслушанный разговор ему напомнила, а он похлопал глазами, вспомнил и говорит: «Да ты, говорит, с ума сошла! Я, говорит, перед этим в преферанс играл по маленькой и на очень трудном висту лишнюю взятку взял, про это и рассказывал... Я—про преферансные взятки, а ты что поняла?!».

— Та-а-ак... — сказал я.

Марья Даниловна всхлинула:

— Го-осподи батюшка!.. Чуть-чуть удар меня тогда не хватил, голубчик вы мой! И с тех-то вот пор видеть я не могу этих карт проклятых, а дочечка моя единственная и слышать о них не может. Загубили ее жизнь молодую, будь они разанафемы! Сильно Любочка тогда подалась и нервы свои навсегда надорвала... Теперь-то она за секретарем месткома замужем: ну, это уж, что ж!.. Одна только и есть польза с него: обоих, вот, нас на профсоюзный счет в санаторию устроил для лечения Любочкиной нервности.

Я молчал. Помолчала и Марья Даниловна. Затем, вытерев глаза, произнесла тоскливо и с сердцем:

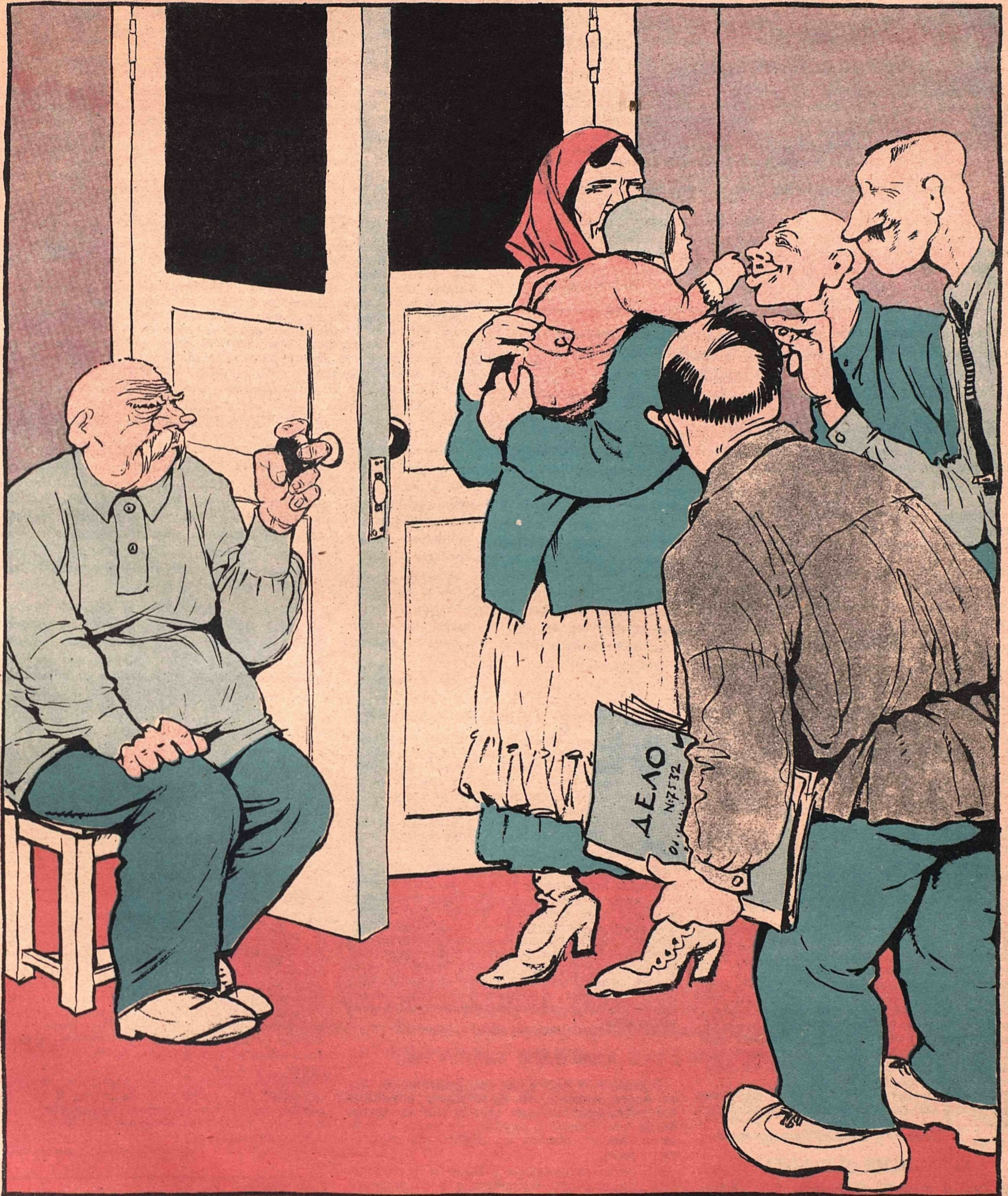
— А обидней всего, — оказалось потом, что заведующий, которого мы с дочечкой на деловода променяли, брал взятки... Брал, голубчик вы мой, да какие!

Грамен.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕБЕНОК

Рис. К. Елисева

— У-у... симпомпончик мой! Какая простая, приветливая! Никогда не подумаешь, что дочка заведующего.

ВИЛЫ В БОК

ЗАПРОС ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

На нашем Калининском руднике № 3 (Донбасс) в шахтбюро председательствует тов. Орехов. Рабочие до сих пор толком не могут разобраться—хорош Орехов или нет? Одни говорят, что Орехов плох, а другие уверяют, что это еще пред ничего, а бывают и хуже. Прошу читателей «Крокодила» опубликовать в журнале, действительно ли бывает начальство и похуже. У «нашего», мы знаем, имеются следующие качества:

1) Пьяница. За пьянство даже попал в милицию и был там оштрафован.

2) Бросил несколько жен, хотя алименты, правда, платит.

3) Пролез в преды вопреки желанию рабочих. «Близкие» люди навязали его, можно сказать, силой.

Так вот, плох он, или бывают и хуже? Интересно узнать.

Дед Верзила.

Рабочие! Сажая на вилы какое-нибудь учреждение или предприятие, непременно указывайте фамилию и должность виновника.

НЕБЕРЕЖЛИВЫЕ СБЕРЕГАТЕЛИ

Самарская сберкасса изумляет народ, рассылая спешной почтой такие письма:

А. С. Кондакову.

Самарская гострудсберкасса № 28 при сем высылает 02 коп. текущих процентов по вашему лицевому счету № 81199.

Впрочем, для самарских сберегателей и две копейки—большая сумма, если принять во внимание, что им самим, этим сберегателям, грош цена.

ОБИЛИЕ ДИЧИ

С точки зрения охотника вся наша жизнь—сплошная охота. Вышневолоцкая газета «Наш Край» охотится за председателем правления союза охотников Арсеньевым и приказчиком Букуевым. Арсеньев и Букуев охотятся за союзной кассой, из которой они путем подложных махинаций выудили немало денег. Другие члены правления союза: Вальков, Дюков и Владимирцов охотятся за тетеревами и зайцами. Арсеньев устраивает для этих правленцев особо пышные охоты и дает лучших гончих.

«Крокодил» тоже не прочь поохотиться за хищниками из вышневолоцкого союза, а так как охотиться приятно в компании, то он приглашает на эту охоту тверского прокурора.

У ЦУСТРАХА АНКЕТЫ ВЕЛИКИ

Для того, чтобы израсходовать общественные деньги, нужно обладать прежде всего фантазией. А когда нет фантазии, то путь один—швырять деньги на анкеты.

Цустрах, очевидно лишенный всякой фантазии, так и делает. Всем санаторным больным он предлагает прислать в Москву по 2 анкеты. Это будет тысяч 100 анкет. Расход немалый, если учесть еще, что Цустрах предлагает прислать ему анкеты без оплаты почтовыми марками. Да сколько народа сидит над их обработкой. Прямо цустрах берет.

Интересно узнать, у кого какие фантазии существуют для израсходования народных денег?

Полосков, Бройде, Григорьевский.

УГЛУБЛЕННАЯ РАБОТА

В Бирске имеется исключительный труженик—тов. Шаринов, зав. КЗУ. Получив 9 февраля предписание за № 6248 о проведении кампании по борьбе с головней, он продумал над этой бумажкой 4 месяца и 6 дней. Ломал, ломал свою голову тов. Шаринов за эти 4 месяца и все-таки не сломал: очень она у него крепкая, прямо, как из дуба!

Подчиненный.

НАУЧНАЯ ПОСТАНОВКА

В московском институте переливания крови дело поставлено замечательно. Кровь переливают день и ночь. Ночью даже особенно сильно. Больше всех переливается крови в палате № 3, оклеенной темными обоями, под которыми клопам очень хорошо укрываться. Клопы, которым в институте переливают кровь от пациентов чувствуют себя отлично.

Пациентка.

К СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ

В Петропавловске обнаружен новый строительный материал. Материал этот, несмотря на всю свою ничтожность и убожество, дает возможность строить из себя самые необыкновенные вещи. Залежи материала находятся в административном отделе. Заведующий загсом, тов. Колодкин, повесил на дверях своего кабинета плакат: «Допускается вход по разрешению». Кабинет запирается на засов. На столе у тов. Колодкина постоянно лежит браунинг. Рядом с тов. Колодкиным сидит машинистка-стенографистка. В общем, как видите, тов. Колодкин, можно сказать, из ничего—из себя строит чорт знает что!

МОГУЧИЙ ИСТОЧНИК

Курортному управлению в Железноводске давно хотелось открыть какой-нибудь новый источник. И вот в ночь с 17 на 18 июня т. г. источник был открыт. Могучий поток ринулся по б. Инженерному переулку. Потрясенные жители пошли к истоку и обомлели: ручей выходил из самой простой выгребной ямы парковой уборной. По своему составу новый источник настолько крепок, что к нему подойти близко нельзя: шибает в нос. Курортное управление за свое открытие имеет полное право выкупаться в источнике в первую голову.

Иван Мудрый.

УБИРАЙТЕ МУСОР, ТОВАРИЩИ!

На сибирском маслозаводе имени тов. Дзержинского произошел оригинальный случай. Группе поденных рабочих уплатили кому 56 копеек, а кому и по 14 копеек в день. Рабочие волновались и потеряли несколько дней на выяснение. Оказалось, что в счетной части потеряли ведомость. Но дело не в этом. Интересно открытие, которое было сделано в связи с потерей ведомости.

Когда рабочие стали требовать деньги, то товарищ, получивший 14 коп., резонно заявил: «Но ведь это же ерунда! Не 14 же копеек мне в самом деле следует?». На что бухгалтерия ответила: «Действительно, ерунда, но раз в ведомости так написано, мы иначе поступить не можем». Тогда один товарищ открыл черепную коробку у бухгалтера, высыпал оттуда слежавшийся годами мусор, смазал кой-какие винтики, проветрил, и бухгалтер заработал по-человечески. «Открытие», как видите, получилось интересное.

АДМОТДЕЛ БЛАГОУХАЕТ

В каждом городе у нас, как известно, имеются много учреждений. И граждане поминают эти учреждения добрым словом только тогда, когда волей-неволей приходится иметь с ними дело. Придут, облают и... прощай до следующего раза.

Но не таков адмотдел в Нижнем-Новгороде. Ему пожелалось ежедневного и еженощного поминования со стороны рабочих Канавина. Для того, чтобы канавинские рабочие почаще вспоминали адмотдел, последний не принимает никаких мер против устройства свалки между новым рабочим поселком и заводами.

Успех получился полный! Рабочие изо дня в день вспоминают своих умных администраторов и не только их, но и их родителей.

КРАСОТА, ДА И ТОЛЬКО!

Жизнь должна быть красивой. Это ясно! Долго думал директор донбасского завода Донсода (не подумайте, что это его имя), как сделать жизнь красивой и, наконец, надумал. Взял и назвал он счетоводов децернами. Получилось очень красиво. Даже пришлось увеличить жалованье с 90 до 150 рублей, хотя обыкновенные бухгалтеры получают 90 рублей, а групповые—130 рублей.

Теперь директор думает, как ему назвать своего кучера—«диспанент» или «ваттурно», а, кстати и себя хочет переименовать позвучнее. Предлагаю назвать директора—«абдурацио». Можно и еще как-нибудь в этом роде.

Дон Диего-Прогулец.

ЗУБОВРАЧЕБНЫЕ ДЕЛА

Пишут:

На Карабановской фабрике, Владимирской губ., страхкасса объявила, что рабочим будут бесплатно вставляться зубы. Рабочим зубы повыдергали, сняли мерку, немногим протезы вставили, а потом всем внезапно в протезах отказали.

— Вот случай, когда нельзя сказать, что работа страхкассы во рту навязала.

ДОКОЛЕ?!

О возмутительной грубости кооперативных продавцов писали уже много раз, но то, что произошло в Лысковском ЕПО (Нижегородской губернии), нечто из ряда вон выходящее.

Приходит в ЕПО помпрокурора, тов. Бутиков, и просит отпустить ему отрез сукна. Член правления ЕПО отказывается наотрез, нахально мотивируя тем, что тов. Бутикову сукно недавно отпускали.

Тогда тов. Бутиков вышел из себя, обругался матерными словами и вышел из ЕПО. Несмотря на все это, противные кооператоры так и не дали сукна тов. Бутикову. Когда же обзвывают зарвавшихся?!

Поруганный.

**Товарищи читатели!
ПРИСЫЛАЙТЕ НАМ
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОТДЕЛА
ВИЛЫ В БОК**

СТАРЫЙ РОМАНС

(На изобретательский лад)

Я помню день. Ах, это было счастье:
Я краску изобрел для ундервудных лент.
То было осенью, в холодный день ненастья.
И я пошел просить себе патент!..
И я пошел просить себе патент!..

Я помню день, прекрасный день весенний,
Когда в конце-концов был выслушан там я.
А на душе—тоскливый гнет осенний:
Шмыг под сукно бумажечка моя!..
Шмыг под сукно бумажечка моя!..

Прошли года... Виски мои в сединах.
К изобретениям я стал холоден, как лед.
И уж никто в бумажных тех трисинах
Следа моей бумажки не найдет!..
Следа моей бумажки не найдет!..

Ф. Благов.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

ЗАВОРОТ МОЗГОВ

Майкопский «Красный Пахарь», с наступлением жаркой погоды, стал печатать очень странные вещи. В номере от 7 июня мы прочли такие заголовки телеграмм:

- 1) Англия бьет нас дубьем, а мы ее рублем.
- 2) Собака лает, ветер уносит.

Протест тов. Раковского по поводу грубого выступления американского посла во Франции.

В этом же номере есть объявление: «Ушли со двора две лошади». Не все вероятно знают, почему это две лошади ушли со двора. А мы знаем! Невмоготу им стало, этим добросовестным лошадям. Их хозяин, Н. Е. Букшенко, имел тяжелую привычку читать вслух, сидя на крыльце, телеграммы «Красного Пахаря», ну, лошади, разумеется, не выдержали такой безграмотной галиматии и ушли. Бедные лошадки!

ЧУДОВИЩНОЕ ВРАНЬЕ

Семипалатинская газета «Новая Деревня» в экстренном выпуске от 10 июня напечатала крупным шрифтом такое сообщение:

НЕВИДАННОЕ ЧУДОВИЩЕ.

Змей в 12 арш. длиной.

Из села Васильевского, Устьн. уез., сообщают, что вблизи села обнаружен появившийся неизвестно откуда змей до 12 аршин длиной и в 6 вершков толщиной. Это чудовище навело страх на население. Видевшие его граждане рассказывают, что он делает огромнейшие прыжки.

Не под влиянием ли зеленого змия напечатана эта заметка?

СЛАБЫЙ ПРОГРЕСС

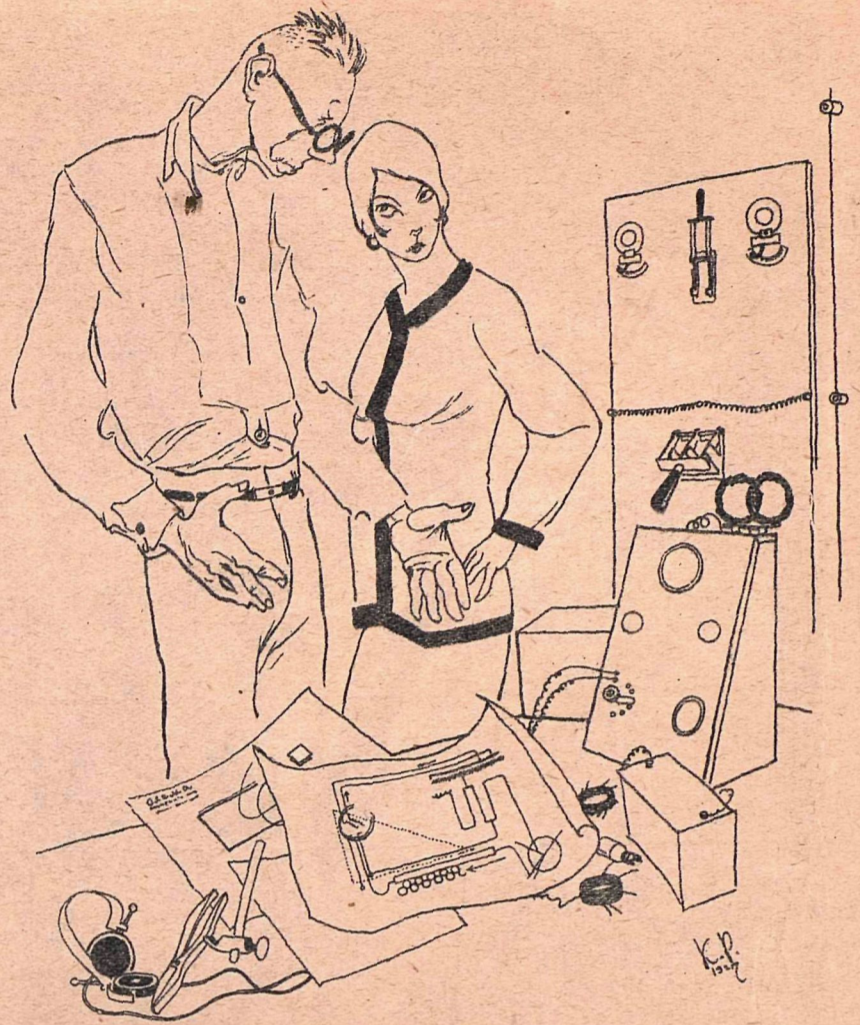
Донецкий «Красный Пахарь» (№ 134) сообщает новости, которым исполнилось уже 100 лет.

Доводится до сведения всех предприятий, учреждений и разных лиц, что кино-театр «Прогресс» (подсобное предприятие Осоавиахима) с 1 июня 1827 г. ЛИКВИДИРОВАН.

«Прогресс» — ликвидирован, а неграмотность, вот, ликвидироваться никак не может. Беда, да и только!

ПРИЕМА НЕТ!

Рис. К. Ротова

— Замечательный передатчик: Германия принимает, Америка, Австралия принимают, а комитет по делам изобретений никак принять не может.

АКТИВНЫЙ ОТПУСКНИК

Божился отпускник, с завода или из треста,
Работать в гуще масс, насколько хватит сил.
И, точно, не соврал. Себе прибыв на место,
Усы и бороду активно отпустил.

СВОЯ ТОЧКА

- Хорошо в рабочих столовках подают?
- Да не плохо. По столовкам сейчас копеек 15 настрелял.

Издательство «Рабочая Газета» — Москва, Тверская, 3.

Ответственный редактор К. МАЛЫШЕВ.

НА ГИТАРЕ, МАНДОЛИНЕ И БАЛАЛАЙКЕ

можно без знания нот легко научиться играть. Общее руководство для трех инструментов по цифровой системе с новыми песнями, романс, танц. и пр. высыл. налож. плат. за 2 р. 75 к. с пер.

НА ГАРМОНИИ

(двухрядной) русск. и венского строя самоучитель игры по той же системе с 30 музык. ном. высыл. налож. платежом также

ЗА 2 РУБЛЯ 75 КОП.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЕТ

„РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“,
МОСКВА, ул. Герцена, дом 9/4.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 2-е ПОЛУГОДИЕ: 1927 г.
НА
„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“
И ЕЕ ИЗДАНИЯ

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ ВЫХОДИТ В 7-ми ИЗДАНИЯХ!

1-е издание „Рабочая Газета“	60 к. в месяц	4-е издание „Рабочая Газета“ „Работница“	1 р. в месяц	6-е издание „Рабочая Газета“ „Крокодил“ „Работница“	1 р. 50 к. в месяц
2-е издание „Рабочая Газета“ „Крокодил“	1 р. 10 к. в месяц	5-е издание „Рабочая Газета“ „Крокодил“ „Хочу Все Знать“	1 р. 40 к. в месяц	7-е издание „Рабочая Газета“ „Крокодил“ „Работница“ „Хочу Все Знать“	1 р. 80 к. в месяц
3-е издание „Рабочая Газета“ „Хочу Все Знать“	90 к. в месяц				

Подписка принимается: В МОСКВЕ: в Главной конторе—Сущевский вал, 63; Тверская, 15, и во всех районных эксл. „Раб. Газ.“ В ПРОВИНЦИИ: во всех отдел. „Раб. Газ.“ и других центральных газет, а также во всех почт.-тел. конторах.

ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Москва, 18, Главная контора „Рабочей Газеты“, Сущевский вал, дом 63.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Рис. К. Елисева, по конкурсной теме Куринина

НАВОДНЕНИЕ, ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ КРУГЛЫЙ ГОД.

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
АКАДЕМИИ.